

— Я знаю, жизнь у вас нелёгкая, и вы по нужде на это пошли. Мы с вами не враги, прошу, не причиняйте вреда.

Чжуан Ян говорил искренне, вновь глядя атаману прямо в глаза. С детства ему доводилось видеть разбойников, и, оказавшись в их руках, он, конечно, волновался. Но в такие минуты и паника, и страх одинаково бесполезны.

— Это же второй господин из семьи Чжуан, добрый человек. Побереги его, — хрипло рассмеялся коренастый смуглый мужчина с короткими ногами и большим животом.

Кроме него, остальные разбойники тоже походили на заурядных земледельцев — лица простые, руки-ноги грубые, жилистые.

— Босс, смеркается, — торопил тот, что держал лошадь.

— Ты что, разбойник или перепелка? Боишься, как бы тебя ночь не склевала? — остальные гоготали, не стесняясь.

Атаман осклабился Чжуан Яну, обнажив жёлтые зубы, потом приложил палец к губам и прошептал:

— Только один укол в ногу. Не больно.

Двое разбойников схватили Чжуан Яна. Тот холодно смотрел на атамана, пока тот прижимал его голень и быстрым движением вонзал в икру лезвие.

— А-ах! — Чжуан Ян вскрикнул от боли, вырвался из рук державших его и, корчась, отполз прочь от атамана, прислонившись спиной к стволу дерева.

Сумерки сгущались, последний багрянец на западе таял на глазах. В лесу все стали неясными тёмными силуэтами, и Чжуан Ян, сжимая зубы от боли, чувствовал, будто всё происходящее — не более чем дурной сон.

Атаман вскочил на коня, махнул рукой, и вся ватага умчалась прочь, скрывшись впереди на дороге.

— Эрлан, твоя нога!

А-И подполз к Чжуан Яну. Выглядел он жалко, но, по крайней мере, одет был полностью — грубая домотканая одежда разбойникам была не нужна. Чжуан Ян сжимал раненую ногу, и ладонь его была залита кровью.

— А-И, можешь встать?

— М-могу, — А-И, опираясь на дерево, поднялся. Его изрядно потрепали: нога подворачивалась, болели поясница и голова.

Чжуан Ян с облегчением вздохнул, сорвал с головы повязку для волос и перетянул рану. Укол был нешироким, но глубоким. Он попытался встать, но тут же прошиб холодный пот, и он чуть не закричал от боли.

Поблизости была деревня. Атаман ранил его в ногу именно затем, чтобы он не смог добежать до неё и поднять тревогу. Теперь, с повреждённой ногой, да ещё и с покалеченным А-И, пока они куда-то доберутся, банда и след простынет.

Беда в том, что сегодня они столкнулись не с обычными грабителями.

Чжуан Ян сломал ветку, чтобы использовать её как посох, и они с А-И медленно поползли к деревне, что виднелась вдалеке. Когда они выбрались из леса, луна уже висела над верхушками деревьев. При её свете они кое-как добрались до людей.

В деревне у подножия Динсипо кое-где ещё светились окна. Когда Чжуан Ян и А-И добрались до околицы, на них дружно заголосила вся деревенская свора. Жители повыскакивали из домов и, увидев их жалкий вид, сразу поняли, что те ограблены.

— Где это вас так? — подошёл к ним крепкого сложения мужчина, встревоженно спросил.

— В сосновом лесу, на Динсипо, — выдавил Чжуан Ян, с лица его катился холодный пот.

— Мы с слугой ранены. Не могли бы вы приютить нас на ночь? Завтра я дам знать семье, и вам обязательно вознаградят.

— Быстро, помогите им зайти! — тут же нашлись желающие поддержать Чжуан Яна и А-И и проводить их в ближайшую хижину на краю деревни.

Собрались односельчане, стали расспрашивать, как всё произошло, все говорили наперебой. Из их разговоров Чжуан Ян понял, что он не первый, кого ограбили на Динсипо. Эта дорога была главным путём в Чжули, Лайли и другие поселения, и с начала года здесь орудовала шайка, грабившая не только путников, но и не гнушавшаяся покопаться в деревенских амбарах.

Когда народ наконец разошёлся, была уже глубокая ночь. Хозяин, приютивший Чжуан Яна и А-И, наконец заговорил:

— А предводителя-то видел, как выглядит?

— Лет тридцати, высокий, крепкий, в кожаном доспехе, с родинкой в уголке рта, — ответил Чжуан Ян.

— Так это Хо Да! — оживился поселянин. — А его шайка — местные отребья, бездельники!

Чжуан Ян закатал штанину, обнажив рану. Хозяин наложил на неё толчёные лечебные травы.

— Если вы знаете его имя, почему до сих пор не изловили? — спросил Чжуан Ян.

Тот замялся и, лишь когда перевязка была закончена, вымолвил:

— Ловок больно. В прошлый раз, когда наш деревенский староста с народом за ним охотился, так кто-то его предупредил — он и смылся.

— Да и грабит он только, не убивает. Нынче у властей и своих забот хватает, им не до него.

Чжуан Ян взглянул на А-И — тот уже свалился в углу и спал. Выслушав эти слова, он не нашёлся, что ответить.

Приютившего их поселянина звали Дэн Дин. В его доме были голые стены, а на лежанке громоздились связки тростника и несколько готовых тонких циновок. Дэн Дин зарабатывал на жизнь, плетя корзины и другие приспособления для шелководства. Но в Лосяне шелководов было мало, товар приходилось тащить на продажу в Лайли, и жили они в большой нужде.

Они ещё разговаривали, как вдруг послышался отчаянный стук в дверь. Жена Дэн Дина пошла открывать. Едва дверь приоткрылась, её распахнули с силой, и в дом ворвался человек, с ходу крича:

— Эрлан!

Чжуан Ян узнал голос Лю Хуна и отозвался:

— Ахун, я здесь.

В хижине горела лишь одна масляная лампа, и Чжуан Ян, лежавший в тёмном углу, был почти невидим. Лю Хун, уловив знакомый голос, ринулся в его сторону, споткнулся о разбросанные по полу плетёные корзины и едва не упал. Не обращая на это внимания, он подбежал к Чжуан Яну и схватил его в объятия.

— Эрлан...

Юношеский голос Лю Хуна звучал хрипло, не так звонко, как обычно, и Чжуан Ян лишь спустя мгновение понял, что тот сдерживает рыдания. Его сжимали так сильно, что невозможно было пошевелиться. В темноте Чжуан Ян не видел его лица.

Он почувствовал запах пота и лёгкий винный дух, исходивший от Лю Хуна. Тот обнимал его, и плечи его слегка вздрагивали. Чжуан Ян понял, что он плачет. Он стал гладить Лю Хуна по спине, как маленького ребёнка, и тихо сказал:

— Со мной всё в порядке. Как ты нашёл меня?

— Ахун, отпусти меня.

Рядом стояли Дэн Дин с женой. Хотя в хижине было темно, Чжуан Ян отлично представлял себе их изумлённые лица.

— Ахун, ты...

Чжуан Ян был в растерянности. Его плечо промокло от слёз. Этот «щенок» из семьи Лю вцепился в него, как огромный пёс, и было не оторвать. На Чжуан Яне оставалась лишь тонкая нижняя рубашка — всю остальную одежду сняли разбойники. Прижавшись к его широкой тёплой груди, Чжуан Ян наконец смутился. К счастью, Лю Хун разжал объятия и отпустил его. Он молча снял свой верхний халат и накинул на Чжуан Яна — только теперь он заметил, в каком том тот виде.

В Лайли Лю Хун помог Старине Дуаню схватить вора, забравшегося в дом, и они доставили его к старосте Вэй, ожидая решения. Старина Дуань вошёл в зал для приёмов, а Лю Хун остался ждать во дворе. Вечерело. Лю Хун чувствовал странное беспокойство, будто что-то гложет его изнутри, но не понимал, откуда оно. Когда Старина Дуань вышел, он швырнул Лю Хуну связку монет и крикнул:

— Ну что, парень, пойдём пропустим по стопке!

Лю Хун кивнул. Старина Дуань шлёпнул его по затылку и рассмеялся:

— Чего ты разнюнился? Девку, что ли, вспомнил?

Старина Дуань любил похабные шуточки и, обхватив Лю Хуна за плечи, уже собрался уводить

его.

— Староста велел вам зайти, — вышел из внутренних покоев старый слуга и передал приказ хозяина.

Лю Хун и Старина Дуань переглянулись.

Лю Хун впервые переступил порог приёмной старосты и опустился на колени в стороне.

— Ты и есть Лю Хун? — спросил староста Вэй, восседая на почётном месте.

Его лицо показалось Лю Хуну знакомым. Он вспомнил: два года назад этот человек приезжал в Чжули собирать налоги, и с ним были двое солдат.

— Да, это я, — поднял голову Лю Хун и встретился с ним взглядом.

Он был уверен, что староста его узнал.

— С такими умениями, как у тебя, не думал ли пойти на военную службу?

В Фэнсяне было мало умелых людей, а в такое время, когда кругом орудуют разбойники, люди, сведущие в боевых искусствах, были очень нужны.

— Нет, не думал, — без колебаний ответил Лю Хун.

На лице старосты Вэй мелькнуло недовольство, но, видя твёрдость юноши, он ничего не мог поделать. Впрочем, это не имело значения — когда Лю Хун достигнет совершеннолетия, ему всё равно придётся отслужить положенный срок.

Покинув дом старосты, Старина Дуань с учеником поехали в винный дом. Они ехали на закате, и высокие травы по обочинам дороги колыхались на ветру.

— Парень, — сказал Старина Дуань, — я учил тебя боевым искусствам не для того, чтобы ты по дворам за воришками бегал. Настоящий мужчина должен совершать великие дела и добывать славу!

Лю Хун остался совершенно равнодушен к пафосу наставника и спокойно ответил:

— Учитель, я учился боевым искусствам, чтобы защищать тех, кто рядом со мной.

Старина Дуань знал, что отец Лю Хуна был командиром конницы при прежней династии и ушёл с войском, так и не вернувшись, оставив жену с сыном в нищете. Он понимал, что творится в душе у этого «щенка», и лишь вздохнул.

Когда они добрались до Лайли, уже совсем стемнело. Купив кувшин вина, они отправились к Старине Дуаню домой.

Жена и дочь уже ждали его у входа. Увидев Лю Хуна, они приняли его как родного и радушно пригласили в дом.

Вся семья уселась за ужин. Лю Хун, хоть и был чужаком, сидел рядом со Стариной Дуанем, пил с ним вино и смотрелся так, будто и впрямь был его сыном.

<http://bllate.org/book/15945/1425661>